

АСТРАХАНСКІА ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

[ГОДЪ СЕДЬМЫЙ.]

Выходятъ еженедѣльно по воскресеньямъ. Годовая цѣна съ пересылкою и доставкою, равно и безъ пересылки и доставки 6 руб.

№ 15.

Подписка принимается въ редакціи Епархіальныхъ Вѣдомостей, при Астраханской Духовной Семинаріи, въ г. Астрахани.

12-ГО АПРѢЛЯ 1881 ГОДА.

ОТДѢЛЪ ОФФІЦІАЛЬНЫЙ.

ВЫСШІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ТРЕТІЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,
и прочая, и прочая, и прочая.

Вступивъ на Всероссійскій Прародительскій Престоль Нашъ, Мы, въ неуклонномъ попеченіи объ охраненіи и утвержденіи спокойствія и благоденствія Государства, Всевышнимъ Промысломъ Намъ ввѣреннаго, слѣдуя примѣру незабвенныхъ Предшественниковъ нашихъ, блаженныхъ памяти Императоровъ Николая I-го и Александра II-го, признали Священною обязанностию Нашею озаботиться предуказаніемъ мѣръ, имѣющихъ быть принятыми въ случаяхъ необыкновенныхъ. Въ виду сего и принявъ въ уваженіе малолѣтства Наслѣдника Нашего, Цесаревича и Великаго Князя Николая Александровича, Мы положили, на основаніи коренныхъ законовъ Имперіи и Учрежденія объ

Императорской Фамиліи, постановить и объявить во всеобщее свѣдѣніе слѣдующее:

1-е. На случай кончины Нашей прежде достиженія Любезнѣйшимъ Сыномъ и Наслѣдникомъ Нашимъ опредѣленнаго закономъ возраста для совершеннолѣтія Императоровъ, Правителемъ Государства и нераздѣльныхъ съ онымъ Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго до совершеннолѣтія Его назначается Нами Любезнѣйшій Братъ Нашъ, Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

2-е. Если Всевышнему угодно будетъ по кончинѣ Нашей воззвать къ Себѣ и первороднаго Сына Нашего, прежде достиженія Имъ совершеннолѣтія, то и по вступленіи за Нимъ, по закону о наслѣдіи, на Престолъ Всероссийскій другаго Сына Нашего, Любезнѣйшій Братъ Нашъ Великій Князь Владиміръ Александровичъ долженъ оставаться Правителемъ Государства также до совершеннолѣтія сего другаго Сына Нашего.

3-е. Во всѣхъ случаяхъ, означенныхъ въ предшедшихъ 1-й и 2-й статьяхъ сего Манифеста, опека и надъ первороднымъ Сыномъ и надъ прочими дѣтьми Нашими, до совершеннолѣтія каждаго изъ нихъ, во всей той силѣ и пространствѣ, кои опредѣлены закономъ, должна принадлежать Любезнѣйшей Супругѣ Нашей, Государынѣ Императрицѣ Маріи Феодоровнѣ.

Постановленіемъ и обнародованіемъ таковой воли и намѣреній Нашихъ относительно управленія Государствомъ во время малолѣтства Нашего Наслѣдника, Мы, въ благоговѣйномъ уваженіи къ законамъ Нашего Отечества, устраняя заранѣе всякое по сему предмету сомнѣніе, молимъ Всевышняго, да благословитъ Насъ въ непрестанномъ попеченіи Нашемъ о выцщемъ благоустройствѣ, могуществѣ и счастіи Державы, отъ Бога Намъ врученной.

Данъ въ С.-Петербургѣ, въ 14-й день марта, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ восемьдесятъ первое, Царствованія же Нашего въ первое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„АЛЕКСАНДРЪ“.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ СВЯТѢЙШАГО СИНОДА:

1. Отъ 6—27 февраля 1881 г. № 10, о расходѣ на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 20-го декабря 1880 года № 12217, въ коемъ

изъяснено: Государственный Совѣтъ въ департаментѣ Государственной экономіи, разсмотрѣвъ представленіе о расходѣ на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ, мнѣніемъ положилъ: на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ (Астраханской губерніи), независимо отъ отвода 300 десятинъ изъ промысловой земли, отпущать, начиная съ 1-го января 1881 года, изъ Государственного казначейства *по тысячъ рублей въ годъ*. Означенное мнѣніе Государственного Совѣта 25 ноября 1880 года Высочайше утверждено. И, по справкѣ, при казали: объ изъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи напечатать въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“, для чего сообщить редакціи онаго.

II. Отъ 13 февраля—18 марта 1881 года, за № 12, о Высочайшемъ соизволеніи на принятіе московскаго отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ подъ Августѣйшее покровительство Государыни Цесаревны.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе г. синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29-го января 1881 года, за № 445, о томъ, что Государь Императоръ въ 24-й день января сего года Высочайше соизволилъ на принятіе подъ Августѣйшее покровительство Ея Высочества Государыни Цесаревны существующаго въ Москвѣ при Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія отдѣла по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ, и что о таковой Высочайшей волѣ сообщено г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ преосвященному митрополиту московскому. При казали: объ изъясненномъ Высочайшемъ соизволеніи для припечатанія въ журналѣ „Церковный Вѣстникъ“ сообщить редакціи сего журнала по принятому порядку.

III. Отъ 27 февраля 1881 года, за № 719, о книгѣ М. Поторжискаго: „Святоотеческая христоматія,—пособіе къ изученію исторіи христіанской проповѣди“ и „Историческая христоматія для изученія русской церковной проповѣди“, съ журналомъ Учебнаго Комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложенный г. синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ журналъ Учебнаго Комитета, № 351, коимъ признается возможнымъ составлен-

ныя преподавателемъ кievской духовной семинаріи М. Поторжинскимъ: „Святоотеческую христоматию—пособіе къ изученію исторіи христіанской проповѣди“ (Кіевъ, 1877 г.), и „Историческую христоматию,—для изученія русской церковной проповѣди (Кіевъ, 1879 г.)—одобрить для употребленія въ духовныхъ семинаріяхъ, въ качествѣ полезнаго пособія при историческомъ и практическомъ изученіи проповѣдничества. П р и к а з а л и: заключеніе Учебнаго Комитета утвердить, и для объявленія о семъ правленіямъ духовныхъ семинарій, сообщить циркулярно чрезъ „Церковный Вѣстникъ“, съ приложеніемъ копии съ журнала Комитета.

Разныя Извѣстія.

Утверждены въ должностяхъ: *предсѣдателей* церковно-приходскихъ попечительствъ: при Успенской церкви слободы Николаевской, Царевского уѣзда, крестьянинъ Василій *Сидлецкій*, Быковской Свято-Троицкой церкви, того-же уѣзда, крестьянинъ Николай *Алгмуховъ*, *членовъ* сихъ попечительствъ: перваго—крестьянинъ Григорій Герасимовъ *Самарай* и втораго—крестьяне: Ѳеодоръ *Громовъ*, Николай *Толочковъ*, Макаръ *Куракинъ*, Акинорій *Емельяновъ* и Иванъ *Галаваловъ*, и *членовъ* церковно-приходскаго попечительства Терново-Балскаго Михаило-Архангельской церкви, того-же уѣзда, крестьяне: Матвѣй *Салиминъ*, Ѳеодоръ *Кононовъ* и Иванъ *Обмаевъ*,—всѣ на трехлѣтіе; *церковныхъ старостъ*: Кисловской Николаевской церкви, означеннаго уѣзда, крестьянинъ Степанъ *Бабенко*, Успенской церкви слободы Николаевской, того-же уѣзда, крестьянинъ Андрей *Дехтяревъ* и Терново-Балскаго Михаило-Архангельской церкви, того-же уѣзда, крестьянинъ Тихонъ *Виховъ*,—всѣ на трехлѣтіе (30 и 31 марта).

— *Опредѣленъ* къ Черноярскому Вознесенскому собору на штатное діаконское мѣсто бывшій экономъ Орловской духовной семинаріи, діаконъ Илья *Третьяковъ* (2 апрѣля).

— *Перечислена*, согласно указу Св. Синода, изъ Оренбургской епархіи въ Астраханскую, православная Александро-Невская церковь въ ставкѣ внутренней киргизской орды, при Нарынъ-Пескахъ, и причислена, по распоряженію Астраханскаго епархіальнаго начальства, къ вѣдомству благочиннаго 2 округа Енотаевского уѣзда (12 марта).

— **Постриженъ въ монашество** послушникъ Иоанно-Предтеченскаго монастыря Павелъ *Скобелевъ* съ нареченіемъ Пахоміемъ (28 марта).

— **Праздныя мѣста: настоятелей** при церквахъ: Верхне-Погроминской Покровской, Царевского уѣзда, и Элистинской Николаевской, Черноярскаго уѣзда; *помощниковъ настоятелей* при церквахъ: Ганюшкинской 12 Апостоловъ, Красноярскаго уѣзда, и Средне-Ахтубинской Покровской, Царевского уѣзда; *псаломщическія*: при Красноярскомъ Владимірекомъ соборѣ и Елтонецкой Троицкой церкви, Царевского уѣзда.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя яйца во дни Святыя Пасхи.

Обычай дарить другъ другу красныя яйца во время Пасхи вмѣстѣ съ вѣрою христіанскою, какъ и многія другія благочестивыя обыкновенія, перешелъ къ намъ изъ Греціи; въ Греціи же съ незапамятныхъ временъ существуетъ, и донинѣ сохраняется о немъ слѣдующее преданіе.

По вознесеніи Іисуса Христа, Спасителя нашего, на небо, св. равноапостольная Марія-Магдалина, пришедши для проповѣди Евангелія въ Римъ, предстала императору Тиверію I, и поднесши ему красное яйцо, сказала: Христосъ Воскресе и такимъ образомъ начала предъ нимъ свою проповѣдь о Воскресеніи Спасителя. Первенствующіе христіане, узнавъ о такомъ простосердечномъ приношеніи равноапостольной жены, начали подражать ему, и при воспоминаніи Воскресенія Христова стали и сами дарить другъ другу красныя яйца. Обычай сей мало по малу распространился и содѣлался всеобщимъ въ христіанствѣ. Глубокая древность сего обыкновенія не подлежитъ сомнѣнію. Всѣ христіанскія общества, даже и не православныя, сохраняютъ его и единогласно говорятъ, что оно существуетъ въ Церкви христіанской съ самыхъ первыхъ ея временъ и ведетъ свое начало отъ примѣра равноапостольной жены.

Въ житіи равноапостольной Магдалины дѣйствительно говорится, что по вознесеніи Іисуса Христа на небо, „она преиде многія страны, благовѣствуя Евангеліе, яко же и Апостолы святіи, прииде же въ Римъ и Тиверію Кесарю предста, и вся яже о Христѣ возвѣсти ему. Пилата же и архіерея въ гнѣвъ Кесаревъ введе, и пріяша тѣи по дѣломъ своимъ“. О пребываніи ея въ Римѣ упоминается и въ Синаксарѣ на недѣлю Муромосиць; то же найдемъ и въ другихъ христіанскихъ исторіяхъ. Кедринъ и Константинъ Мана-

ей, въ лѣтописяхъ своихъ, ясно говорятъ, что Марія-Магдалина дѣйствительно была въ Римѣ, и представши императору Тиверію, обвиняла предъ нимъ Пилата въ несправедливомъ осужденіи и обвиненіи Иисуса Христа.

Въ древности у язычниковъ и у Іудеевъ было обыкновеніе, являясь къ важному лицу, особенно въ первый разъ, подносить ему что-либо въ даръ отъ себя, въ знакъ уваженія и любви; примѣръ этого можно, между прочимъ, видѣть въ поступкѣ волхвовъ, пришедшихъ поклониться родшемуся Иисусу съ дарами. Люди бѣдные обыкновенно приносили въ подобныхъ случаяхъ плоды или яйца домашнихъ птицъ. Ничего нѣтъ страннаго и въ томъ, что и равноапостольная Магдалина, представъ Тиверію съ проповѣдью Евангелія, поднесла ему, по обычаю, подобный даръ; каковое обыкновеніе людей бѣдныхъ, конечно, извѣстно было и Тиверію. Въ библиотекѣ монастыря св. Анастасія, близъ Θεссалоники, есть древній рукописный уставъ, писанный на пергаменѣ; въ концѣ сего устава, послѣ молитвъ въ день Св. Пасхи, читается также молитва на благословеніе яицъ и сыра, и игумень, цѣлуя братію, раздастъ имъ яйца и говорить: Христосъ Воскресе! Такъ и мы приняли отъ св. Отцевъ, которые сохранили сіе обыкновеніе отъ самыхъ временъ апостольскихъ, ибо св. равноапостольная Марія-Магдалина первая показала вѣрующимъ примѣръ сего радостнаго дароприношенія.

Такое дароприношеніе особенно прилично христіанамъ во дни Св. Пасхи. Своею простотою и невинностію оно показываетъ христіанское простосердечіе, выражаетъ взаимное дружелюбіе христіанъ. Ибо въ дни Свѣтлаго Праздника мы даримъ другъ другу красныя яйца, при взаимныхъ изъясненіяхъ мира и любви христіанскимъ лобзаніемъ, которое сопровождаемъ воспоминаніемъ о Воскресеніи Спасителя, примирившаго съ Собою и между собою всяческая. Притомъ, красный цвѣтъ сего дара напоминаетъ кровь Спасителя, проліянную за насъ, а имѣя свѣтлый видъ, служитъ знакомъ всеобщей радости о побѣдѣ Христа надъ смертію, Его воскресеніи изъ мертвыхъ, нашемъ искупленіи и возстаніи въ другомъ мірѣ. Яйцо, въ этомъ случаѣ, есть прекрасный символъ нашего возрожденія въ жизнь будущую. Изъ яйца рождается животное и вступаетъ въ жизнь птицъ небесныхъ, когда освобождается отъ скорлупы, заключающей въ себѣ его зародышъ: такъ нѣкогда и мы, отбросивъ все тлѣнное здѣсь, гдѣ имѣемъ уже зародышъ о началѣ вѣчнаго бытія, силою Воскресенія Христова возродимся и воскреснемъ для другой жизни, радостной для праведныхъ. (В. Ч.).

Протоіерей Іоаннъ Самойловичъ Лебедевъ.

(Некрологъ.)

(Окончаніе) (*).

Служебная карьера Івана Самойловича, тянувшаяся около 60-ти лѣтъ (съ 1820 г.), представляет не мало чрезвычайно рѣзкихъ особенностей, похожихъ на несообразности и противорѣчія. И для педагогической дѣятельности и для службы по духовно-епархіальному вѣдомству обладалъ онъ, несомнѣнно, самыми блестящими, чрезвычайно рѣзкими и не въ его время въ той средѣ, въ которой вращался онъ и избралъ самъ себѣ дѣло, качествами. — Между тѣмъ его карьеру и педагогическую и священно-служительскую епархіальную — должно признать совершенно неудавшеюся, — такъ какъ будто онъ очутился совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ, взялся за дѣло на-обумъ — не имѣя ни внутренняго призванія, ни надлежащей подготовки ознакомленія съ этимъ дѣломъ. И такой судъ о почившемъ дѣятелѣ — можемъ и должны сказать съ глубокимъ убѣжденіемъ — будетъ вопіющею неправдою. Правда только въ томъ, что его силы и способности, дѣйствительно замѣчательныя въ высшей степени, добросовѣтность его отношенія къ принятому на себя дѣлу — съ полнымъ сознаниемъ его существа и значенія и требованій для его выполненія, именно по существу его, преданность къ избранному дѣлу искренняя и ревностная до готовности на самоотверженіе, стали съ перваго разу и остались навсегда въ поразительно-рѣзкомъ противорѣчіи съ внѣшними историческими условіями этого дѣла, съ его вѣками утвердившеюся постановкою. Ни прилаживаться къ этимъ условіямъ и постановкѣ дѣла и мириться съ ними, ни отрицать ихъ и бороться противъ нихъ по своимъ тоже весьма замѣчательнымъ личнымъ особенностямъ онъ не могъ, — вотъ и вышло что-то похожее на безысходное противорѣчіе и безплодный подвигъ подневольнаго страдальческаго безсилія!

Избралъ Іванъ Самойловичъ священническую епархіальную службу, когда имѣлъ полную возможность искать болѣе выгоднаго и виднаго мѣста, болѣе свободы и простора для своихъ не дюжинныхъ способностей и совсѣмъ не пригодныхъ на приходской священнической службѣ, сравнительно необыкновенно богатыхъ и разнообразныхъ свѣдѣній, — избралъ службу епархіальнаго приходскаго священника именно потому, что эта служба не представляетъ ни какой общественной карьеры. Но въ замѣтъ того она, по его убѣженію еще

(*) См. Астрах. Епарх. Вѣдом. № 14.

съ молода утвердившемуся, не требуетъ и какой нибудь особенной силы, готовности на всяческую упорную и неустанную борьбу, словомъ—храбрости, которая города беретъ и на неподступныя твердыни лѣзетъ и сквозь житейскую толпу, кишашую соперничающими самолюбіями, интригами и пр. идетъ вовеооружіи и непрестанно насторожѣ съ камнемъ за пазухой про встрѣчнаго ближняго. Природа, одаривъ его щедро разнообразными талантами, отказала въ одномъ—для житейской битвы главнымъ—который можно назвать гениемъ инициативы и борьбы для осуществленія въ практической жизни,—въ обществѣ своихъ идей, убѣжденій, цѣлей. Онъ и рѣшилъ избрать такое служебное поприще, которое своимъ существеннымъ, жизненнымъ содержаніемъ пришлось ему какъ-разъ по душѣ развитой подъ влияніемъ высоко-религіозной семьи шотландскаго миссіонера, которое съ другой стороны представляло самыя вѣрнѣйшія гарантіи для устройства тихой, въ тѣсотѣ семейномъ кругу задушевной, искреннѣйшей, не для блеска и парада жизни, а для жизни самой, для наслажденія жизнью. Задачу православнаго приходскаго священника вообще онъ находилъ себѣ симпатичною и по силамъ. Отъ всей души благоговѣнно вѣруя въ благодатную сущность и силу православнаго священнодѣйствія съ его обрядами, церковнаго Богослуженія—въ основномъ его составѣ, онъ думалъ, что сможетъ дать настоящее значеніе обряду и составу Богослуженія своимъ священно-служеніемъ безъ надмѣнности и лицемѣрія, просто и искренно, по іерейской благоговѣнной совѣсти, руководясь въ этомъ основнымъ началомъ Ап. Павла—все благообразно и по чину, и что лучше пять словъ да съ умомъ и въ назиданіе, нежели многое да несмысленно и безъ пользы. Установить свои отношенія къ небольшому кружку давнихъ прихожанъ,—по своей мысли и требованію благостнаго сердца,—искреннія задушевные ему не стоило большого труда: всѣ его съ дѣтства знали и любили; потому что съ дѣтства и до окончанія курса семинарскаго, онъ съ своимъ отцомъ непрестанно вращался въ ихъ средѣ по семейному и съ церковными требами на дому и за церковнымъ Богослуженіемъ въ храмѣ. Корпорация епархіальнаго управленія, особенно ея глава была, конечно, строгая; но и передъ нею молодой еще неотвѣдавшій на себѣ воздѣйствія этого величія іерей сознавалъ себя на мѣстѣ неискательнаго, непритязательнаго совершенно безобиднаго и мирнаго приходскаго священника достаточно огражденнымъ отъ этой строгости своимъ безмолвнымъ смиреніемъ; предметы церковно-приходскаго дѣла, подлежащіе контролю епархіальной власти—думалось ему—и не хитры и не многосложны,

чтобы опасаться изъ за этого неприятностей свыше. Можно было при совершенномъ отсутствіи позыва въ природѣ и привычкахъ выставиться на показъ, можно было по всему разсчитывать на тихое и безмолвное житіе. Такъ оно и вышло. Только надо прибавить—вышло такъ, что съ такими безпри-
мѣрно скромными требованіями отъ избранной служебной карьеры, при особенностяхъ характера и убѣжденій Вхоіерусалимскій іерей съ перваго же разу сталъ въ средѣ городского духовенства особнякомъ; похоже было на то, какъ будто его и не примѣчалъ никто—ни рядовая братія, ни енархіальное начальство. Для всякаго другаго отъ этого было-бы тѣсно и обидно; Онъ-же этому былъ радъ; потому что покойнѣе, безопаснѣе. Неизвѣстно—самъ-ли онъ почему-либо пожелалъ перемѣститься къ другой—Петропавловской церкви, къ которой присоединена и церковь тюремнаго замка съ ея богомольцами, или же перемѣщенъ по распоряженію начальства—безъ его согласія: только служилъ при ней не долго и по просьбѣ возвращень снова къ Вхоіерусалимской. Нѣтъ сомнѣнія,—поспѣшилъ онъ возвратиться къ своимъ первымъ дѣтямъ духовнымъ потому главнымъ образомъ, что созналъ отсутствіе въ себѣ силы и умѣнья, потребныхъ для пастырскаго воздѣйствія на таковую паству, какова у насъ въ тюремныхъ замкахъ. Конечно и для самого себя не жданно, не желанно и негаданно попалъ онъ въ присутствующіе Консистеріи. За протоколами и журналами оказался дѣльцомъ не только не подходящимъ, но просто невозможнымъ.—Онъ, кажется, вѣроваль, что консистерскія дѣла не только можно, а и должно рѣшать по человѣческому разумѣнію и совѣстному—личному убѣженію,—помимо регламентовъ и инструкцій; къ тому-же и слогомъ консистерскимъ онъ не владѣлъ, да и вообще имѣлъ несчастное, необъяснимое свойство излагать свои мысли на бумагѣ очень затѣйливо. Его поэтому откомандировали для разбора дѣлъ архивныхъ съ цѣлю—освободить тѣсное архивное помѣщеніе отъ накопившагося хлама и оставить дѣла только потребныя на какіе-либо возможные случаи или же особенно важныя по важности содержанія. Иванъ Самойловичъ былъ радъ этому новому занятію въ архивной пыли и плесени; но распорядился тутъ на полной и безконтрольной свободѣ чрезвычайно своеобразно. Онъ нашелъ два сорта дѣлъ: одні съ пустыми безобидными формальностями, неизмѣнно идущими изъ году въ годъ; другія наполнены и переполнены злостными клеветами, мерзостями скандальными, возмутительными. Первые онъ сохранилъ для потомства или на сѣденіе крысамъ (какъ выражался самъ покойный); но

послѣднія — всѣ, какія попадались ему на глаза и обследованы, конечно, съ крайнею брезгливостью, осуждались безошадно къ сожженію. Когда замѣтили при случаѣ объ этой расправѣ съ консисторскимъ архивомъ и высказали сожалѣніе, что многое т. е. содержательное и для будущаго историка характерное теперь утрачено, покойный отвѣчалъ: „Помилуйте! Какъ возможно беречь документы объ этихъ мерзостяхъ? Божій судъ давно совершился надъ ними и, чайтельно, изгладилъ; а тутъ какой-нибудь черезъ сотни лѣтъ будетъ поднимать такую вонючую грязь и забрасывать ею покойниковъ! Какъ можно!“ Эта брезгливость къ мерзостямъ дѣль человѣческихъ однажды подвела его подъ серьезную грозу. — Дѣло было такъ: у Ивана Самойловича былъ дурной причетникъ, часто и много причинявшій ему оскорбленій своею несправдливою по церковно-служенію. Избѣть его онъ не могъ, но и выносить его оскорбленія молча также не могъ и, конечно, озлоблялъ его своими вепльчивыми внушеніями. Готовившаяся къ таинству причащенія духовная дочь его — особа образованная, очень молодая, пытливая просила духовнаго отца дать ей молитвословъ для прочтенія молитвы на дому и указать эти молитвы. Иванъ Самойловичъ, въ присутствіи своего причетника, указывая во-прошавшей порядокъ вечерняго и утренняго приготовительнаго къ причащенію правила, остановился на одной молитвѣ Метафраста, гдѣ помѣщены два каталога ужасныхъ — даже противъ-естественныхъ человѣческихъ мерзостей и, замѣтивъ, что этого ей читать не нужно, вырвалъ изъ молитвослова листы съ этою молитвою и въ такомъ видѣ передалъ молитвословъ, а листы вырванные откинулъ на подоконникъ. По выходѣ его изъ храма, причетникъ подобралъ вырванные листы, настрочилъ обстоятельный, съ прибавленіями своего измышленія, доносъ и представилъ его съ поличнымъ начальству. Дѣло это, благодаря только особенной случайности, оставлено безъ послѣдствій. Въ шестидесятыхъ годахъ преосвященный Аѳанасій поручилъ Ивану Самойловичу приготовительныя работы по устройству и скорѣйшему открытію женскаго епархіальнаго училища. Организаторомъ учебно-воспитательныхъ заведеній (порученное ему предполагалось закрытое) и уставщикомъ онъ никогда не былъ, да и не могъ быть; но здѣсь ему и не приходилось брать на себя эту обузу бумажную; для сего былъ и особый комитетъ при консисторіи подъ предѣлательствомъ ректора семинаріи, созывались въ консисторію и экстренныя собранія всего градскаго духовенства съ участіемъ представителей мѣстной духовно-учебной педагогической корпораціи для

обсужденія проекта положеній училищнаго устава. На долю Ивана Самойловича досталось порученіе: заняться ни мало немедля, независимо отъ конси-сторіи, комитета и соборныхъ разсужденій, окончаніемъ дѣла о покушѣ избранныаго подѣ училище дома, приготовленіемъ его къ помѣщенію на первый разъ 10—12 пансіонерокъ-сиротъ, устройствомъ всего необходимаго для ихъ содержанія, заготовкою всѣхъ принадлежностей первоначальнаго пока обученія (въ составъ перваго курса училища преосвященный указалъ избрать малолѣтнихъ дѣвочекъ-сиротъ изъ деревень). Этому порученію радъ былъ онъ несказанно и между прочимъ потому, что могъ приступить къ дѣлу неожиданная приказовъ и инструкцій. Дѣло у него закипѣло. Домъ приспособленъ къ помѣщенію учебнаго заведенія, снабженъ всѣми хозяйственными и учебными принадлежностями. Готовы были хоть разнокалиберныя и сбродныя парты, скамьи, табуреты, столы койки, постельные приборы, бѣлье, платья, обувь, кухонная и столовая обстановка и проч. Иконостасъ, хранившійся въ верхней Архіерейской [молебнѣ, приспособленъ къ домовою церкви. Потребныя матеріалы, конечно, были частію куплены, частію собраны въ видѣ вышедшей изъ употребленія домашней или школьной рухляди; но все это прошло черезъ руки единственнаго мастера на всѣ руки—столяра, красильщика, плотника, закройщика. Черезъ 10-ть лѣтъ, когда въ этомъ училищѣ было ужъ до ста воспитанницъ, и помѣщеніе оказывалось уже крайне недостаточнымъ, а нижній этажъ и неудобнымъ отъ сырости, мы нашли еще всѣ устроенныя руками Ивана Самойловича долгосрочныя школьныя и хозяйственныя принадлежности и домовую церковь въ томъ видѣ, какъ все имъ устроено и скрѣплено,—даже голубая краска на мебели уцѣлѣла. Все это приготовлено имъ неимоверно быстро. Преосвященный вызвалъ пансіонерокъ, нарядилъ имъ въ начальницу казначею мѣстнаго монастыря, освятилъ домовую церковь и открылъ торжественно училище. Иванъ Самойловичъ очутился во главѣ ближайшаго училищнаго начальства. Но не желая продолжать эту службу, онъ попросилъ освободить его отъ оной. Владыка просьбу призналъ резонною и старецъ получилъ увольненіе.

Приходскій священникъ долженъ быть служителемъ Слова Евангельскаго, проповѣдать благовременно и безвременно. Иванъ Самойловичъ обязанность эту долженъ былъ исполнять по крайней мѣрѣ первые тридцать лѣтъ—на службѣ приходской. Эту обязанность онъ признавалъ обязательнѣе всѣхъ даже другихъ, но исполнять

ее по своему—только въ интимной бесѣдѣ, въ тѣсномъ домашнемъ кругу, на духу; и никогда никто не помнитъ, чтобы онъ по своей охотѣ не въ указанную очередь проповѣдничалъ въ своей приходской церкви по праздникамъ напр. предъ церковнымъ собраніемъ. Очередныя проповѣди, по назначенію начальства, онъ готовилъ, представлялъ и можетъ быть произносилъ (намъ не приходилось слышать). Но его форменныя проповѣди и не на нашъ современный вкусъ—представляютъ безвкусную пестроту. И онъ будто простодушно держался той вѣры, что парадныя проповѣди иначе и не могутъ и не должны являться на духовную цензуру, какъ въ этомъ нарядѣ. Между тѣмъ астраханскоградское духовенство знаетъ близко, непосредственно—каждый по личному опыту, что покойный обладалъ способностью говорить прекрасно—необыкновенно просто и естественно, чрезвычайно живо, мѣтко, задушевно, нетеряясь и не разбрасываясь, стройно и отчетливо, съ полною свободою и самообладаніемъ. Содержаніемъ его бесѣды было цѣльное, живое и жизненное православное богословіе. Такъ бесѣдовалъ съ нами покойный на духу; такъ называемыя общія отвлеченныя положенія исходили изъ устъ его полными живаго, возбуждающаго къ живой работѣ душу, смысла. Онъ былъ свѣтлый, строго-православный богословъ и глубокій душевѣдъ. Именно тутъ—въ качествѣ духовника—былъ онъ совершенно на своемъ мѣстѣ, именно тутъ—на мѣстѣ духовника—открывалась его прекрасная душа съ прекраснымъ богатствомъ своего содержанія, съ своими чистыми помыслами и стремленіями, съ своими воззрѣніями и убѣжденіями; и все это лилось живымъ потокомъ прекрасныхъ рѣчей; а передъ публикою и начальствомъ онъ всегда сжимался, прятался въ непроницаемую раковину и въ ней беззвучно замыкался.

По окончаніи семинарскаго курса, Иванъ Самойловичъ началъ свою служебную дѣятельность съ духовнаго училища; былъ на педагогической службѣ 35 или болѣе лѣтъ; очень короткое время былъ законоучителемъ въ мѣстной гимназіи; закончилъ педагогическую карьеру на должности преподавателя татарскаго языка въ духовной семинаріи. Неимѣемъ никакого понятія о его учительствѣ въ духовномъ училищѣ,—то было слишкомъ давно; его ученики, по всей вѣроятности, и доселѣ есть на лицо между лицами даже градскаго духовенства; ни отъ кого изъ нихъ не приходилось слышать о своемъ учителѣ ни худаго ни добраго слова. Изъ этого можно выводить, что его служба въ училищѣ была безцвѣтная, ни по чему не примѣчательная, и памяти по себѣ не оставила. А по догадкамъ, на основаніи его личнаго характера,

можно сказать, что онъ потому и не памятенъ, что не далъ и не могъ дать по себѣ памяти, какъ его сослуживцы до тридцатыхъ, даже до сороковыхъ годовъ.—Ученики его не боялись; готовили уроки по его предмету спустя рукава. Въ семинаріи предметъ его былъ не обязательный; успѣхи по нему ничего не общали; безуспѣшность ничѣмъ не грозила; ни начальство и никто изъ наставниковъ ничего не смыслили по нему и не обращали на него вниманія. Преподаватель татарскаго языка отбывалъ свою службу неупустительно— вотъ все, что могло сказать семинарское начальство, что сказали о себѣ и самъ покойный преподаватель, прибавивъ къ этому, что отбылъ добросовѣстно службу совершенно безплодную (въ томъ не его вина) и потому можетъ получать пенсію въ 85 р. 71¹/₂ к. съ покойною совѣстью,—безцѣльный и безплодный, но тщательный трудъ обходится душѣ мыслящей и чувствующей дороже, особенно когда онъ отбывается по наряду подневольному.

Иванъ Самойловичъ могъ быть рѣдкимъ, безпримѣрнымъ воспитателемъ и образователемъ учениковъ, съ которыми имѣлъ возможность облизиться по семейному.—Вотъ фактъ, очень рѣзко выдающійся! Въ пятидесятыхъ годахъ градскимъ головою въ Астрахани былъ нѣкто Ф. Г. Голиковъ—коммерсантъ одинъ изъ капиталнѣйшихъ. Привелось ему довольно долго и по разнымъ предметамъ и запросамъ бесѣдовать съ какою-то высокопоставленною особою, командированною для обревизованія провіантской, а можетъ быть и другихъ частей, подлежащихъ вѣдѣнію начальника губерніи. Сановникъ разставаясь съ градскимъ головою, по любопытству охотился осведомиться: въ какомъ учебномъ заведеніи онъ получилъ такое многостороннее и основательное образованіе? (градской голова былъ дѣйствительно человекъ рѣдкаго ума и многостороннихъ свѣдѣній). „Ни въ какомъ“—былъ отвѣтъ. Какъ ни въ какомъ? А просто—у здѣшняго священника! Этотъ священникъ былъ Иванъ Самойловичъ Лебедевъ: онъ обучалъ всѣмъ предметамъ и, кажется, двумъ европейскимъ языкамъ—французскому и нѣмецкому и воспитывалъ сына и дочь (бывшую впоследствии въ супружествѣ съ здѣшнимъ губернскимъ предводителемъ дворянства, ^{Орловъ} досель здравствующую) у богатаго астраханскаго купца Григорія Голикова. Съ своимъ ученикомъ онъ былъ въ короткихъ, самыхъ простыхъ и душевныхъ отношеніяхъ до его ранней кончины; ученицу видѣлъ въ послѣдствіи, кажется, разъ, когда принимая отъ нея домъ купленный для епархіальнаго женскаго училища, при чемъ получилъ отъ нея въ подарокъ будущему училищу уступку 500 р. изъ условленной цѣны за домъ.

На память духовнымъ дѣтямъ покойнаго, дѣтеки-безхитростнаго, беззлюбиваго и непамятозлюбиваго, сокровеннаго въ глубинѣ безпримѣрнаго смиренія старца, закончу его характеристику перечисленіемъ, хотя далеко не полнымъ, его талантовъ, изъ которыхъ всякій другой сдѣлалъ бы блестяще-прибыльное употребленіе, но которые все обращены только на домашнее одинокое пользование и не по эгоизму.

Изъ древнихъ языковъ Иванъ Самойловичъ зналъ порядочно еврейскій— настолько, что могъ повѣрять правильность Лютерова-нѣмецкаго и Геронимова-латинскаго переводовъ библии по тексту подлинному— начальному; отлично владѣлъ латинскимъ, какъ все лучшіе воспитанники старой семинаріи; успѣлъ въ изученіи греческаго настолько, что по окончаніи семинарскаго курса, назначенъ преподавателемъ въ духовное училище; англійскимъ языкомъ въ первые годы своей службы владѣлъ какъ роднымъ, впоследствии— не имѣя съ кѣмъ говорить— поддерживалъ знаніе его только чтеніемъ англійской библии; на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ читалъ свободно книги, но никогда не говорилъ; по татарски говорилъ также свободно, какъ природный татаринъ и при помощи татарскаго прочелъ коранъ на арабскомъ языкѣ съ достаточнымъ (какъ провѣрялъ по переводамъ) разумніемъ; под старость началъ было изучать калмыцкій языкъ; письмо разбиралъ, но далеко ли успѣлъ въ разумній читаемаго— неизвѣстно. Обладалъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній по естественнымъ наукамъ. Зналъ толкъ въ музыкѣ; изъ музыкальныхъ инструментовъ освоился въ совершенствѣ съ старинными гуслими, которыя и устроилъ для себя самъ до послѣдней части за исключеніемъ металлическихъ струнъ и винтовъ, на которыхъ первая натягиваются. Самъ себѣ кроилъ и шилъ кавтаны, ряски, камилавки, сапоги. Самъ приготовлялъ себѣ кабинетную мебель, украшалъ свой кабинетъ живописью по стекламъ, хорошо воспитывалъ комнатныя деревья и цвѣты, приготовлялъ для себя розовую воду, стряпалъ шипучіе изъ ягодъ напитки, варенья даже изъ арбузныхъ корокъ. Всего и не перечестъ! Вотъ не успѣлъ состричь себѣ какого-нибудь самоката, когда отказались служить ноги, да и то потому, что руки ужъ не служили. Да упокойтъ Господь твою многохлопотливую, многострадальную, беззлюбивую душу, прекрасный старецъ— безхитростное дитя!

Завоучитель Гимназіи, протоіерей Григорій Покровскій.

Воскресение Христово.

Вот на небѣ, предъ зарею,
 Блескъ чудесный засіялъ,
 И, разлившись волною,
 Онъ надъ гробомъ Спаса сталъ.
 Въ томъ сіяніи небесномъ
 Херувимскій сонмъ леталъ;
 Божью пѣснь о днѣ воскресномъ
 Онъ для міра излагалъ.
 О Христовомъ Воскресеніи
 Въ небѣ Ангела поють,
 И о нашемъ искупленіи
 Вѣсть благую къ намъ несутъ.
 Вотъ изъ сонма отдѣлился
 Бога Вѣчнаго Посоль,
 Въ путь далекій онъ пустился,
 Ко святому гробу шель.
 Херувимъ ликъ чудеснѣй:
 Весь, какъ молнія, горитъ;
 Онъ, воздушный,—такъ прелестенъ,
 Риза вся его блестящъ.
 И, легко взмахнувъ крылами,
 Въ Геосиманскій садъ летитъ;
 Окруженный облаками,
 Передъ гробомъ Онъ стоитъ.
 Мѣсто блескомъ здѣсь облялъ,
 Камень гроба отвалилъ;
 И земля вся потряслася;
 Вѣсть по ней такъ пронеслась.
 Помертвѣли часозы:
 Страхъ и ужасъ ихъ облялъ...
 Льются звуки къ намъ святые:
 Нашъ Христосъ возсталъ, возсталъ!
 Всталъ изъ гроба Царь небесный
 И, какъ солнце, засіялъ;
 Блескъ лучей Его чудесный
 И въ могилы проникалъ.
 Мертвенцы узрѣли Бога,
 Пробудились отъ сна;
 Такъ изъ темнаго чертога
 Вѣсть въ Салымъ отнесена.
 А воскресшій нашъ Спаситель—
 Такъ не видимъ больше намъ.
 Онъ являлся, Искушитель,
 Сталъ лишь праведнымъ людямъ.
 * * *

Вотъ заря уже готова,
 Сводъ зардѣлся отъ неба;
 Край востока голубаго
 Весь пылаетъ отъ огни.
 Чистъ, прекрасенъ сводъ небесный,
 Утра блескъ покрытъ его;
 Тихъ, свежоенъ воздухъ вѣшній,
 Слышна радость изъ него.
 И Салымъ вотъ пробуждается;
 Весь онъ свѣтомъ озаренъ;
 Домъ Цилата видѣлся;
 Страшнымъ дѣломъ оскверненъ.

Стража въ уличахъ бѣжала,
 Посрамленная Христомъ;
 А въ саду жена рыдала,
 Ищѣнная Творцомъ.
 То Марія-Магдалина
 Къ гробу Господа пришла
 Муромъ мазать Бога Сына,
 Мертвенца же не нашла.
 Мрачность сада, гробъ открытый—
 Съ пеленами и платкомъ,
 Чѣмъ Спаситель былъ обвитый,
 И пѣмая тишь кругомъ—
 Страхомъ душу наполнили
 Мурносицы святой,
 Сердце бѣдное сжимали—
 Безутѣшною тоской.
 Слезы все она ронила
 На безчувственный гранитъ;
 Мыслью Господа искала
 И при гробѣ все стонѣтъ.
 Теперь исполнила Марія
 Муки прежнія свои—
 Какъ ее когда-то злые
 Страшно такъ терзать могли.
 Вотъ и звукъ Христова Слова:
 „Вѣсы, выйдите изъ жены!“
 И теперь она здорова:
 Вѣра, жизнь и ей даны.
 Много чудныхъ дѣлъ Христовыхъ
 Такъ воскресли на душѣ,
 Много истинъ Божьихъ новыхъ
 Прояснились ей въ умѣ.
 И вѣнокъ вмѣстѣ терновій,
 Смерть Господня на крестѣ,
 И изъ камня гробъ сей новый—
 Пелены въ немъ лишь одна,
 Горько, горько зарыдала
 Магдалина тутъ одна;
 Вдругъ гласъ съ неба услышала:
 Что ты плачешь такъ,—жена?
 Херувимъ то сказали,
 И одежды ихъ блистали
 Чудной свѣтлою близиной
 Надъ могилою святой.
 Міру радость возвѣщали,
 Слава Господа Христа,
 А въ рукахъ ихъ расцвѣтали
 Вѣтки райскаго куста.
 Вотъ явился и Спаситель
 Мурносицъ святой,
 Ранъ душевныхъ Ищѣтель
 Обратился съ Словомъ къ ней:
 „Что, Марія, такъ рыдаешь?
 Въ гробѣ ищешь ты Творца!
 Ты ли Господа не знаешь?
 Въ Немъ ли видишь мертвенца?“

„Боже мой,—Учитель смертных!“
И поверглась съ словом симъ
Та жена одна изъ первыхъ
Къ стопамъ Спасовымъ Святымъ.
„Возвѣсти-же Магдалина
Всѣмъ Моимъ ученикамъ,

Да увидать Бога Сына
Въ Галилеи,—жду ихъ тамъ.“
Снова слышенъ хоръ небесный
Какъ поетъ онъ гимнъ воскресный,
Вся земля полна чудесъ:
Днесъ Спаситель нашъ воскресъ!

Левъ Вербицкій.

1881 года,
апрѣля 4 дня.

ОБЪЯВЛЕНІЕ:

Поступили въ продажу прекрасно-исполненные портреты Ихъ Величествъ:

Императора АЛЕКСАНДРА III и Императрицы МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ

для частей войскъ, мировыхъ судей, волостныхъ и сельскихъ правленій, учебныхъ заведеній, разныхъ учреждений и лицъ. Портреты, величиною каждый: 12¹/₂ вершковъ въ длину и 9 вершковъ въ ширину, исполнены на камнѣ по самымъ послѣднимъ фотографіямъ извѣстнымъ художникомъ-портретистомъ П. Ѳ. Борелемъ и отпечатаны на хорошей бумагѣ съ тономъ.

Цѣна каждому портрету 1 р. съ пересылкою. За оба портрета вмѣстѣ: 2 р. съ пересылкою.

Книгопродавцы пользуются обычной уступкой.

Съ требованіями обращаться *исключительно*: въ С.-Петербургъ, въ редакцію журнала „Иллюстрированный Міръ“, по Николаевской ул., д. № 48.

СОДЕРЖАНІЕ. Отдѣлъ официальный: Высшія правительственныя распоряженія: 1) Высочайшій Манифестъ. 2) Опрежденія Св. Синода: I. О расходѣ на содержаніе причта и церкви при Баскунчакскомъ соляномъ промыслѣ. II. О Высочайшемъ соизволеніи на принятіе московскаго отдѣла распротр. дух.-правст. книгъ подъ Августѣйшес покровительство Государыни Цесаревны. III. О книгахъ М. Поторжиноваго: „Святоотеческая христоматія“ и „Историческая христоматія“. 2) Разныя извѣстія: Утвержденіе въ должностяхъ, опредѣленіе, перечисленіе и проч. **Отдѣлъ неофициальный:** 1) О началѣ обыкновенія дарить другъ другу красныя яйца во дни Св. Пасхи. 2) Некрологъ (окончаніе). 3) Воскресеніе Христова (стихи). 4) Объявленіе.

Редакторъ Я. Лебединскій.